

ДАЧА, которую мне оставила СВЕКРОВЬ

Детективы
СНТ «Рассвет»
Книга первая

Милана Панова

**Дача, которую мне
оставила свекровь**

«Автор»

2026

Панова М.

Дача, которую мне оставила свекровь / М. Панова — «Автор»,
2026

Двадцать шесть лет брака — и муж уходит к фитнес-тренеру, которая младше его дочери. Квартира, машины, бизнес — его адвокат всё предусмотрел. Мне досталась только старая дача покойной свекрови. Той самой, которая четверть века смотрела на меня как на ошибку сына. Я собиралась продать этот сарай и забыть. Но бывший муж вдруг предложил выкупить его втрое дороже. По ночам кто-то копает в саду. Милая председательница СНТ слишком настойчиво угощает пирожками. А в коробке из-под печенья я нашла письмо, написанное рукой свекрови: «Вера, если ты это читаешь — значит, мой сын оказался дураком. Не продавай дом. Никому». Похоже, свекровь любила меня больше, чем я думала. И умерла совсем не от сердца.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	6
Глава 1. Тарелка	7
Глава 2. По-человечески	9
Глава 3. СНТ «Рассвет»	11
Глава 4. Письмо в коробке из-под рецептов	14
Глава 5. Тетради за посудой	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Милана Панова

Дача, которую мне оставила свекровь

ДАЧА, КОТОРУЮ МНЕ ОСТАВИЛА СВЕКРОВЬ

Иронический детектив

Детективы СНТ «Рассвет». Книга первая

Аннотация

Двадцать шесть лет брака — и муж уходит к фитнес-тренеру, которая младше его дочери. Квартира, машины, бизнес — его адвокат всё предусмотрел. Мне досталась только старая дача покойной свекрови. Той самой, которая четверть века смотрела на меня как на ошибку сына.

Я собиралась продать этот сарай и забыть. Но бывший муж вдруг предложил выкупить его втрое дороже. По ночам кто-то копает в саду. Милая председательница СНТ слишком настойчиво угощает пирожками. А в коробке из-под печенья я нашла письмо, написанное рукой свекрови: «Вера, если ты это читаешь — значит, мой сын оказался дураком. Не продавай дом. Никому».

Похоже, свекровь любила меня больше, чем я думала. И умерла совсем не от сердца.

Оглавление

- Глава 1. Тарелка
- Глава 2. По-человечески
- Глава 3. СНТ «Рассвет»
- Глава 4. Письмо в коробке из-под рецептов
- Глава 5. Тетради за посудой
- Глава 6. Бирюк
- Глава 7. Кассовая книга
- Глава 8. Там, где холодно
- Глава 9. Разлучница
- Глава 10. Банка с синей крышкой
- Глава 11. Пирожки с вишней
- Глава 12. Разговор в придорожном кафе
- Глава 13. Проводка
- Глава 14. Объявление на воротах
- Глава 15. Общее собрание
- Глава 16. Тарелка с золотым ободком
- Глава 17. Варенье из крыжовника «царское»

Глава 1. Тарелка

Олег ушёл в четверг, между ужином и сериалом. Сказал, что любит другую, и попросил не устраивать сцен, потому что у Кристины тонкая душевная организация.

Я мыла его тарелку. Двадцать шесть лет я мыла его тарелки — и почему-то именно эту никак не могла выпустить из рук. Белая, с золотым ободком, из сервиза, который нам подарила на свадьбу его мать. Ободок давно стёрся там, где Олег каждый вечер скрёб вилкой, собирая подливку. Он всегда собирал подливку до последней капли. Говорил: «Вер, у тебя руки золотые».

— Ты меня слышишь? — спросил он из коридора.

— Слышу.

— И что ты молчишь?

Я выключила воду. В кухне стало так тихо, что было слышно, как тикают часы над холодильником — тоже подарок, от его партнёров на пятидесятилетие.

— А что я должна сказать?

Олег появился в дверях. В новой куртке, которую я не покупала. Я вдруг поняла, что не видела её ни разу, а ведь все его вещи проходили через мои руки: я пришивала пуговицы, сдавала в химчистку, отпаривала воротники. Значит, у него давно есть жизнь, в которой рубашки отпаривает кто-то другой.

— Ну, не знаю. Обычно женщины кричат.

— Тебе хочется, чтобы я покричала?

Он поморщился, как от зубной боли.

— Вера, я серьёзно. Я давно хотел сказать. Мы с тобой... понимаешь, мы стали как соседи. Ты хорошая. Правда. Ты лучшая хозяйка из всех, кого я знаю. Но мне пятьдесят два, и я хочу жить, а не существовать.

«Жить, а не существовать» — это была фраза не его. Олег говорил «нормально», «по факту» и «короче». Фразу он где-то взял — вместе с курткой.

— Как её зовут? — спросила я, хотя он уже сказал.

— Кристина. Ей двадцать пять. Да, я знаю, как это выглядит. Но это не то, что ты думаешь. У нас настоящее.

Двадцать пять. Нашей Ане двадцать три. Я поставила тарелку в сушилку, очень аккуратно, ребром, как учила меня когда-то его мама: «Вера, не швыряй, это фарфор, а не алюминий».

— Вещи ты заберёшь сейчас?

— Самое нужное. Остальное потом, водитель заедет. — Он помолчал. — Ты не волнуйся. Я тебя не брошу. Адвокат всё оформит по-человечески.

Вот это «по-человечески» я запомнила. Потом, через месяц, сидя в кабинете его адвоката, я буду вспоминать эти слова и смеяться так, что секретарша принесёт мне воды.

Он ушёл в половине девятого. В девять начался сериал. Я села перед телевизором и досмотрела серию до конца, не поняв ни слова. Потом выключила звук и сидела в темноте с пультом в руке, будто кто-то мог позвонить и всё отменить.

Позвонила Аня.

— Мам, ты как? Папа мне написал.

— Написал тебе? Раньше, чем сказал мне?

Пауза.

— Ну... вчера. Он просил тебя подготовить, но я не знала как. Мам, только не плачь, ладно? Это всё-таки его жизнь. Вы оба взрослые люди.

Я не плакала. Я вообще не понимала, что со мной происходит. Внутри было не больно, а пусто, как в квартире после переезда, когда вынесли мебель и голоса отдаются от стен.

— Ты её видела? — спросила я.

— Мам...

— Видела.

— Один раз. В ресторане. Она нормальная. Правда. Не такая, как ты думаешь.

Почему-то все сегодня знали, что я думаю. Кроме меня.

После разговора я пошла в спальню и открыла шкаф. Его половина была уже наполовину пуста — он собирал вещи заранее, понемногу, а я не замечала. Я вообще много чего не замечала. Двадцать шесть лет я была главным бухгалтером в его компании, сводила балансы с точностью до копейки, ловила ошибки поставщиков и недостатки кладовщиков. А недостачу в собственном шкафу не заметила.

На верхней полке, за коробкой с зимними шапками, лежала папка. Я её не знала. Синяя, пластиковая, на кнопке. Внутри — копия свидетельства о смерти Зинаиды Павловны, моей свекрови, умершей прошлой весной. Справка из СНТ «Рассвет» об отсутствии задолженности по взносам. И квитанция об оплате членских взносов за этот год, подписанная председателем — Г. И. Мельник.

Зачем Олегу справки о даче, на которую он не ездил десять лет? Он всегда говорил, что дача — это сарай, комары и мамины огурцы.

Я положила папку обратно, за шапки, точно так, как она лежала. Двадцать шесть лет бухгалтерии приучили меня к одному: если документ лежит не на своём месте — значит, кто-то его туда положил.

Только в ту ночь я ещё не знала, что это первая строчка в длинной ведомости, которую мне придётся свести.

Глава 2. По-человечески

Адвокат Олега, Аркадий Борисович Шапошников, принимал в бизнес-центре с видом на реку. В приёмной пахло кофе и дорогим парфюмом. Секретарша посмотрела на мои сапоги — хорошие, но позапрошлого сезона — и попросила подождать.

Я ждала сорок минут. За это время я успела перечитать сообщение от Олега: «Вер, Аркадий всё объяснит. Не делай резких движений, всем будет лучше». И трижды удалить ответ.

Шапошников оказался полным мужчиной с мягкими руками и голосом человека, который часто сообщает плохие новости и научился делать это приятно.

— Вера Николаевна, присаживайтесь. Чай? Кофе? Олег Викторович просил, чтобы всё прошло максимально комфортно для вас.

— Давайте по делу.

— Конечно. — Он раскрыл папку. — Видите ли, ситуация с имуществом у вас... своеобразная. Квартира, в которой вы проживаете, с две тысячи девятнадцатого года принадлежит обществу с ограниченной ответственностью «ОВС-Авто». Как и оба автомобиля. Загородный дом в Подмоскowie оформлен на ту же компанию. Доля Олега Викторовича в компании была приобретена до брака, следовательно...

— Подождите. — Я подняла руку. — В девятнадцатом году квартира перешла на фирму, потому что Олег сказал — так выгоднее по налогам. Я сама готовила документы.

— Именно, — мягко сказал Шапошников. — Вы сами готовили документы. И подписывали их как главный бухгалтер. Ваша подпись там есть. Вы ведь читали, что подписываете?

Я читала. Я всегда читала. Я просто не думала, что муж, с которым мы делили одну подушку, когда-нибудь будет делить со мной имущество через адвоката. Я проверяла каждую накладную поставщика — и ни разу не проверила собственного мужа.

— Что мне остаётся?

— Олег Викторович готов выплатить вам компенсацию. — Он назвал сумму. На эти деньги можно было снять однокомнатную квартиру на окраине года на полтора. — Плюс он не будет претендовать на ваши личные накопления. Плюс...

Он замялся. Впервые за весь разговор.

— Плюс?

— Есть ещё один объект. Земельный участок с садовым домом в СНТ «Рассвет», Тверская область. Принадлежал матери Олега Викторовича, Соколовой Зинаиде Павловне.

— Это наследство. Олег его получит, при чём тут я?

Шапошников снял очки и потёр переносицу.

— Видите ли, Вера Николаевна, в том-то и дело. Участок не входит в наследственную массу. За год до смерти Зинаида Павловна оформила договор дарения. На вас.

Я молчала. Мне казалось, что я ослышалась.

— На меня?

— На вас. Договор зарегистрирован, всё законно. Подаренное имущество не является совместно нажитым и разделу не подлежит. Олег Викторович узнал об этом, только когда мы записали выписки. Он... был удивлён.

Удивлён. Я представила лицо Олега. Он не любил сюрпризов, если не сам их устраивал.

— Почему она мне ничего не сказала?

— Этого я знать не могу. — Он снова надел очки и стал прежним, мягким. — Но у меня есть предложение от Олега Викторовича. Учитывая, что участок вам, очевидно, не нужен — это далеко, дом старый, требует вложений, — он готов выкупить его у вас. За хорошие деньги.

Он написал цифру на листке и повернул ко мне. Цифра была втрое больше, чем стоила любая дача в тех краях. Я знала цены — я двадцать лет считала чужие деньги.

— Зачем ему сарай с комарами за такие деньги?

— Память о матери, — сказал Шапошников, не моргнув. — Сентиментальная ценность.

Олег не был сентиментальным. Он не приехал к матери на семидесятипятилетие, потому что у него были переговоры. Когда она лежала в больнице, он один раз перевёл деньги на сиделку и попросил меня «разрулить». Я разруливала. Я ездила к ней каждые выходные, возила творог и таблетки, а она ворчала, что творог кислый, а я опять похудела и выгляжу как моль.

Зинаида Павловна меня не любила. Это знали все. На нашей свадьбе она сказала тост, который родственники пересказывали потом десять лет: «Желаю сыну терпения». Она критиковала мои котлеты, мои шторы, мою стрижку и то, как я воспитываю Аню. Она называла меня «эта твоя бухгалтерша».

И она подарила мне дом. Тайно. За год до смерти.

— Мне нужно подумать, — сказала я.

— Разумеется. — Шапошников улыбнулся. — Только недолго, хорошо? Предложение действует до конца месяца. Олег Викторович очень просил подчеркнуть: это щедрое предложение. Больше никто таких денег не даст.

Я вышла из бизнес-центра и долго стояла на набережной. Было начало октября, ветер нёс по асфальту жёлтые листья. Я думала о том, что мне сорок восемь лет, у меня нет квартиры, нет работы — ведь я была главбухом в компании мужа, а теперь, понятно, уже не буду, — и есть только участок в шесть соток под Тверью, на котором стоит дом женщины, которая желала её сыну терпения.

И есть бывший муж, который почему-то очень хочет этот дом получить.

Я достала телефон и набрала Олега. Он ответил после первого гудка — значит, ждал.

— Ну что, поговорила с Аркадием?

— Поговорила. Я не продаю дачу.

Тишина. Потом — смешок, неестественный, слишком лёгкий.

— Вер, ну ты чего. Тебе она зачем? Ты там зимой замёрзнешь. Там туалет на улице.

— А тебе она зачем?

— Мамина память, — сказал он после паузы. Слишком длинной паузы.

— Олег, когда я последний раз спрашивала, где у мамы похоронена её мать, ты не смог вспомнить кладбище.

— Вера. — Голос стал жёстким. Это был его рабочий голос, которым он разговаривал с поставщиками. — Не делай глупостей. Ты не знаешь, во что лезешь.

И положил трубку.

Я стояла на ветру и чувствовала, как внутри, там, где неделю было пусто и гулко, впервые что-то шевельнулось. Не боль. Не обида.

Любопытство.

Никогда ещё за двадцать шесть лет Олег не говорил со мной так, будто я могу ему помешать.

Глава 3. СНТ «Рассвет»

Через две недели меня вежливо попросили освободить квартиру. Не Олег — письмо пришло от «ОВС-Авто» на бланке, который я сама когда-то заказывала в типографии. Срок — до первого ноября.

Аня звала к себе в Петербург, но в её съёмной студии мы с ней не поместились бы даже в разговоре. Подруга Лена предложила раскладушку на кухне и сочувственные взгляды её мужа. Я отказалась от всего.

Я сложила вещи в одиннадцать коробок. Двадцать шесть лет брака уместились в одиннадцать коробок и два чемодана. Сервиз с золотым ободком я оставила. Пусть Кристина моет.

Грузовое такси довезло меня до СНТ «Рассвет» к четырём часам дня. Водитель, молодой парень с наушником в ухе, всю дорогу молчал, а у ворот товарищества присвистнул:

— Вы тут жить собрались, что ли? Зимой?

— Собралась.

— Ну вы даёте.

Товарищество лежало в низине у реки: три длинные улицы, сбегające к воде, покосившиеся заборы, облетевшие яблони. Половина домов стояла с заколоченными окнами. Над некоторыми трубами вился дымок — значит, кто-то здесь всё же зимовал.

Дом Зинаиды Павловны был последним на Речной улице, у самой воды. Я не была здесь лет восемь — с тех пор, как свекровь решила, что ей «не нужна помощь, которая всё делает не так». Дом оказался меньше, чем я помнила. Деревянный, обшитый вагонкой, выкрашенной когда-то в голубой цвет. Резные наличники. Крыльцо с навесом. Над крыльцом — подкова.

Водитель помог занести коробки, взял деньги и уехал, оставив меня в тишине. Тишина здесь была особенная — не городская, не пустая. В ней шумела река, где-то стучал дятел и лаяла собака.

Ключ подошёл не сразу. Замок заржавел, и мне пришлось навалиться плечом. Дверь открылась со скрипом, и меня обдало запахом — сухие травы, старое дерево, яблоки и что-то ещё, неуловимое, похожее на духи «Красная Москва», которыми пользовалась Зинаида Павловна.

Внутри было чисто. Слишком чисто для дома, в котором полтора года никто не жил. Ни паутины, ни пыли на подоконниках. На столе лежала клеёнка в клетку, на ней — ваза с засохшими бессмертниками.

Я провела пальцем по подоконнику и посмотрела на палец. Чистый.

— Верочка! Ой, Верочка, приехали!

Я вздрогнула. У калитки стояла женщина лет шестидесяти пяти — полная, румяная, в пуховом платке и пальто с меховым воротником. В руках у неё была миска, накрытая полотенцем.

— Галина Ивановна, — представилась она, проходя на участок так, будто была здесь хозяйкой. — Председатель наш. А я вас сразу узнала, Зиночка мне фотографии показывала. Ой, какая вы худенькая! Я вам пирожков принесла, с капустой, ещё горячие. С дороги-то обязательно надо поесть.

Она сунула мне миску, обняла — от неё пахло ванилью и жареным луком — и сразу прошла в дом.

— Вот, видите, порядок? Это я тут прибиралась. Каждый месяц, как Зиночки не стало. Не могла, знаете, смотреть, как дом пропадает. Мы с ней тридцать лет дружили. Тридцать лет, Верочка!

— Спасибо, — сказала я. — Это очень... неожиданно.

— Да какое спасибо! Свои люди. — Она огляделась, и мне показалось, что её взгляд на секунду задержался на старом буфете в углу. — Вы надолго к нам? Олег Викторович говорил, вы дом продавать будете.

— Олег Викторович с вами разговаривал?

— Ну а как же. Он же звонил, справки просил. Сын ведь. — Галина Ивановна всплеснула руками. — Ой, да вы не обижайтесь, я всё знаю, Верочка, жизнь такая. Мужики — они все одинаковые. Вот и мой покойный... — Она махнула рукой. — Вы, главное, не переживайте. Продадите домик, купите себе квартирку в городе, заживёте. Чего вам тут одной зимовать? Печку топить не умеете, небось? Вода в колодце замерзает, дорогу не чистят. Тут одни старики да этот... — она понизила голос и кивнула в сторону соседнего участка, — бирюк.

— Бирюк?

— Матвей Сергеевич. Сосед ваш. Пчёл держит. Нелюдимый — жуть. Вы с ним осторожнее, он нехороший человек. В полиции раньше служил, а оттуда, знаете, хороших не выгоняют.

Она ещё минут двадцать рассказывала мне про товарищество: кто пьёт, кто судится с соседями из-за забора, кто продал участок и уехал. Потом посмотрела на часы, ахнула, что у неё тесто подходит, и ушла, на прощание ещё раз обняв меня и сказав:

— Если что надо — я в правлении, третий дом от ворот. Всегда помогу. Зиночка бы хотела, чтобы я о вас позаботилась.

Я стояла у окна и смотрела, как она идёт по улице, переваливаясь, как утка. И думала о том, что Зинаида Павловна за тридцать лет ни разу не упомянула при мне подругу Галю. Ни разу. Хотя рассказывала обо всех — о соседке, которая крадёт малину, о почтальонше, о враче из районной поликлиники.

Пирожки были вкусные. Я съела два, сидя на крыльце, пока не стемнело.

Печку я растопила только с пятой попытки. Дым шёл в комнату, глаза слезились, я ругалась шёпотом словами, которых не произносила лет двадцать. Наконец дрова занялись, и по дому поплыло живое тепло.

Около девяти в дверь постучали. Резко, коротко, трижды.

На крыльце стоял высокий мужчина лет шестидесяти — седая короткая стрижка, борода, телогрейка. В руке у него был фонарь.

— Вы заслонку открыли? — спросил он без приветствия.

— Что?

— Заслонку. В трубе. У вас из трубы не идёт ничего, а из окон — дым. Угорите к утру. — Он посмотрел на меня как на нерадивого стажёра. — Пустите.

Не дожидаясь ответа, он прошёл к печи, что-то дёрнул наверху, и огонь сразу загудел по-другому, ровно и сильно.

— Вот так. Рычаг вот этот — на себя. Перед сном — не закрывать до конца, пока угли не прогорят. Ясно?

— Ясно, — сказала я. — Спасибо. Вы — Матвей Сергеевич?

— Галина уже доложила? — Он хмыкнул. — Быстро. Сказала, что я бандит и выгнали меня из полиции?

— Сказала, что вы бирюк.

— Это правда. — Он пошёл к двери, но на пороге обернулся. — Зинаида Павловна вас ждала.

— Что?

— Говорила, что если с ней что случится — приедет Вера. Не Олег, а Вера. Я ей не верил. — Он помолчал. — Вы надолго?

— Не знаю.

— Ну-ну. — И ушёл в темноту, светя фонарём под ноги.

Я закрыла дверь на засов и долго сидела у печи, слушая, как трещат дрова.

«Приедет Вера». Женщина, которая желала сыну терпения, ждала меня.

Глава 4. Письмо в коробке из-под рецептов

Я проснулась в третьем часу ночи от звука, который сначала приняла за сон.

Скрежет. Ритмичный, глухой. Будто кто-то вонзал что-то в землю и выворачивал обратно.

Печка прогорела, в доме было прохладно. Я лежала, натянув одеяло до подбородка, и слушала. Скрежет повторялся. Потом пауза. Потом снова.

Лопата. Кто-то копал в саду.

Первая мысль была детской и глупой: позвонить Олегу. Двадцать шесть лет, когда в доме что-то происходило ночью, я будила Олега. Я села на кровати и поняла, что звонить некому. Полиция? Пока доедет из райцентра — рассветёт. Матвей Сергеевич? Я даже не знала его номера.

Я встала, накинула пальто прямо на ночную рубашку, взяла с печки кочергу — тяжёлую, кованую — и фонарик из телефона. Подошла к окну, выходящему в сад.

Луна была почти полная. Яблони отбрасывали на землю длинные кривые тени. Под самой старой, у забора, мелькнула фигура — тёмная, в капюшоне. Она наклонялась и выпрямлялась.

Я не знаю, что на меня нашло. Двадцать шесть лет я была тихой. Я не спорила с официантами, не ругалась в очередях, не перечила свекрови. А тут я распахнула окно и закричала таким голосом, которого сама у себя не слышала:

— А ну пошёл вон отсюда! Я вызвала полицию!

Фигура замерла. Потом метнулась к забору, перемахнула через него с какой-то обезьяньей ловкостью и исчезла в темноте. Где-то хлопнула калитка, потом далеко за рекой взвыл мотор и стих.

Я стояла у открытого окна, сжимая кочергу, и меня трясло так, что зубы стучали.

Через несколько минут на соседнем участке зажёгся свет. Потом скрипнула калитка, и луч фонаря запрыгал по моему саду.

— Вера Николаевна! — голос Матвея. — Живы?

— Жива!

Он подошёл к яблоне, посветил вниз и долго стоял молча.

— Идите сюда, — сказал он наконец. — Только оденьтесь. Тут есть на что посмотреть.

Под яблоней была яма. Неглубокая, по колено. Земля разворочена, рядом валялась брошенная лопата — новая, с ещё блестящим лезвием.

— Не ваша? — спросил Матвей.

— Нет.

— И не моя. — Он поднял лопату за черенок, повертел. — Из хозяйственного в райцентре, там ценник на клею был, видите след. Купили недавно. Значит, готовились.

— Что они искали?

— А вы не знаете?

— Откуда мне знать? Я здесь первую ночь.

Матвей посмотрел на меня долгим тяжёлым взглядом, будто взвешивал. Потом сказал:

— Под этой яблоней Зинаида Павловна закопала свою собаку, Пирата. Пять лет назад. Больше ничего, насколько я знаю. Только кто-то думает иначе.

Он проводил меня до крыльца, проверил, как закрывается дверь, и посоветовал подпереть её стулом.

— А утром? — спросила я. — В полицию?

— Можно. Приедут, посмотрят на яму, напишут «хулиганство». — Он пожал плечами. — Вы лучше подумайте, кто знал, что вы сегодня приедете.

Я думала об этом до рассвета. Знал Олег. Знал Шапошников. Знала Галина Ивановна — она пришла через полчаса после моего приезда, значит, знала заранее. Знала Аня.

И, наверное, знала половина товарищества — здесь новости разносились быстрее, чем в бухгалтерии перед корпоративом.

* * *

Утром я решила разобрать вещи свекрови. Не потому что хотела — просто нужно было занять руки, иначе я бы начала думать о яме под яблоней, о лопате с ценником, о голосе Олега: «Ты не знаешь, во что лезешь».

Зинаида Павловна была аккуратна до болезненности. Всё в доме имело своё место и подпись. Банки в кладовке — с наклейками: «Крыжовник, 2023», «Смородина чёрная, 2024», «Огурцы (неудачные)». Коробки в шкафу — «Квитанции», «Открытки», «Фото (Олег)». Я открыла последнюю. Там был Олег в школьной форме, Олег с удочкой, Олег на выпускном, Олег на нашей свадьбе — я на этой фотографии была обрезана.

На верхней полке буфета стояла жестяная коробка из-под датского печенья — синяя, с рисунком. Такие коробки в каждой советской семье использовали для ниток и пуговиц. На крышке была наклейка: «Рецепты».

Я открыла её почти машинально. Внутри лежали карточки — рукописные, на линованной бумаге, исписанные мелким учительским почерком. Зинаида Павловна сорок лет преподавала математику, и её почерк был ровным, как ряд цифр. «Пирог с капустой (Галин — не делать, тесто тяжёлое)». «Варенье из крыжовника "царское"». «Котлеты (как у Веры — НЕ ГОВОРИТЬ)».

Я перечитала последнюю карточку три раза. «Как у Веры — не говорить». Под этим подробно, по пунктам, был записан мой рецепт котлет — с размоченным в молоке хлебом, тёртым кабачком и щепоткой мускатного ореха. Мой рецепт, который я придумала сама и который свекровь двадцать лет называла «котлеты на любителя».

Я засмеялась. Впервые за три недели. Смеялась, сидя на полу посреди чужой кухни, с карточкой в руке, а потом поняла, что смех перешёл в слёзы, и не могла остановиться минут десять.

На самом дне коробки, под карточками, лежал конверт. Обычный, почтовый, без марки. На нём было написано: «Вере. Лично».

Руки у меня дрожали, когда я его открывала.

«Вера.

Если ты это читаешь — значит, меня нет, а мой сын оказался дураком. Я всегда знала, что окажется, только надеялась, что ошибаюсь. С ним я в математике ошибалась часто, а в людях — почти никогда.

Не продавай дом. Никому. Ни Олегу, ни Гале, ни тем, кто придёт с большими деньгами. Особенно тем, кто придёт с большими деньгами.

Я не могу написать здесь всё. Письмо может найти не тот человек. Но ты бухгалтер. Ты всю жизнь видела, где цифры не сходятся, я это замечала, хоть и не говорила. Мои тетради — в серванте, за посудой. Читай их внимательно. Там не только про огурцы.

И не ешь ничего, что тебе приносят. Ничего, слышишь?

Прости меня за всё. За свадьбу, за котлеты, за "моль". Я была злая старуха, а ты — единственная в этой семье, кто приезжал ко мне просто так. Я это помню.

З. П.

P.S. Банка с синей крышкой. Третья полка».

Я сидела на полу и смотрела на два пирожка с капустой, оставшиеся со вчерашнего вечера на тарелке. Они лежали на столе, румяные, накрытые полотенцем.

«Ничего, что тебе приносят».

Я съела вчера два. Мне было хорошо. Ничего не болело.

Но пирожки я всё-таки выбросила. А потом встала, подошла к серванту и отодвинула стопку тарелок.

Глава 5. Тетради за посудой

За стопкой тарелок в серванте стояли тетради. Восемь общих тетрадей в клеёнчатых обложках, пронумерованных и подписанных: «Дача. 2017», «Дача. 2018» — и так до «Дача. 2024».

Первые страницы были похожи на любой садовый дневник пенсионерки. «12 мая. Посадила томаты "Бычье сердце", 24 куста. Рассаду брала у Нины, половина хилая». «3 июля. Тля на смородине. Опрыскала настоем чеснока». «Урожай огурцов — 38 кг. Закрывает 22 банки».

Но в двадцать первом году между огурцами и тлёй начали появляться другие записи. Короткие, сухие, как пометки на полях контрольной.

«Лаптев Пётр Ильич, уч. 5. Продал? Говорит — не продавал. Галя говорит — продал, есть доверенность».

«Уч. 14, Сомовы. Внуки в Германии, о продаже не знают».

«Ул. Речная, 3, 5, 7, 12, 14, 16. Все у воды. Все "проданы" одному покупателю. Кому?»

«Собрание 15.08. Галя провела решение об "упорядочении земель общего пользования". Кворума не было. В протоколе — кворум был. Подписи: Лаптев (умер в марте!), Сомова (в больнице с апреля)».

Я читала, и у меня холодели пальцы. Зинаида Павловна вела не садовый дневник. Она вела расследование. Аккуратно, по пунктам, как решают задачу: дано, найти, решение.

На полях — столбики цифр. Номера участков, даты, суммы взносов. Свекровь сравнивала, сколько собрано членских взносов и сколько потрачено. Цифры не сходились. Разница за три года — почти два миллиона рублей. На дорогу, которую так и не отсыпали. На трансформатор, который не поменяли. На «юридические услуги», которых никто не видел.

Последняя запись в тетради за двадцать четвёртый год была сделана за неделю до смерти. Почерк уже другой — неровный, будто писали в спешке или дрожащей рукой.

«Галя приходила. Принесла таблетки из аптеки, сказала — заодно взяла. Добрая. Слишком добрая. Голова кружится третий день. Позвонить Матвею? Глупости. Старая дура, мнительная».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.